

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

Новый пересмотр узаконений о правах раскольников

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1905. № 2. С. 215-236.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Новый пересмотръ узаконеній о правахъ расколь- никовъ.

ДО ПОВОДУ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, въ которомъ, въ ряду мѣръ «для упроченія правильнаго въ отечествѣ хода государственной и общественной жизни», между прочимъ, указанъ «пересмотръ узаконеній о правахъ раскольниковъ»,—въ Москвѣ на минувшихъ рождественскихъ праздникахъ состоялся раскольнической съѣздъ для обсужденія ходатайствъ предъ правительствомъ «о дарованіи старообрядцамъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ». Но проникшимъ въ печать извѣстіямъ, съѣздъ составилъ особую записку на имя предсѣдателя комитета министровъ о современномъ правовомъ положеніи «старообрядцевъ» и изложилъ свои нужды и ходатайства. Объ этомъ сообщаетъ корреспондентъ газеты «Новое Время», причемъ, излагая выраженные съѣздомъ мотивы для таковыхъ ходатайствъ, въ подлинникѣ приводитъ и самые пункты послѣднихъ ¹⁾. Нельзя не привѣтствовать, что въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря 1904 года занялъ мѣсто и пунктъ о пересмотрѣ существующаго закона о расколѣ, имѣющемъ вообще большое значеніе въ русской государственной и общественной жизни. На извѣстное время, до обнаруженія вновь назрѣвшихъ жизненныхъ потребностей, этотъ пересмотръ положить конецъ или по крайней мѣрѣ ограниченіе тѣмъ разнорѣчивымъ толкамъ о современномъ правовомъ положеніи раскола, которые доселѣ суще-

¹⁾ „Новое Время“, № 10369, 17 января 1905 года.

ствовали и въ печати и въ обществѣ. Какъ извѣстно, одни доселѣ сѣтовали на нынѣшнія, по ихъ мнѣнію, слишкомъ широкія права раскольниковъ, усиливаемыя еще въ пользу раскола упущеніями со стороны административныхъ властей; другіе, напротивъ, жаловались на правовыя стѣсненія раскольниковъ — и самимъ закономъ и административными распоряженіями, прямо въ законѣ не установленными. Такое разнорѣчіе въ отзывахъ и засвидѣтельствваніяхъ отзывалось на положеніи дѣла вообще крайне вредно, потому что подрывало самое довѣріе къ существующему закону, поселая убѣжденіе въ безсиліи его достигнуть преслѣдуемая цѣли и оставляя обѣ стороны недовольными, особенно въ связи съ проявленіями административнаго произвола въ томъ или другомъ направленіи. Чѣмъ бы ни кончился предшамѣченный пересмотръ законовъ о расколѣ, полнымъ ли подтвержденіемъ ихъ, или, что вѣроятнѣе, измѣненіями въ частяхъ, болѣе крупными и болѣе мелкими, сила закона во всякомъ случаѣ будетъ восстановлена и авторитетно подтверждена, и «дѣйствительною мѣрою» будетъ устраненъ административный произволъ, въ дѣлѣ о расколѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо вредный. Мы желали бы только, чтобы нынѣ съ законами о расколѣ не повторилось то злосчастіе, которое преслѣдуетъ ихъ на пространствѣ всей ихъ двухвѣковой исторіи, и которое состояло собственно въ томъ, что законы слишкомъ поспѣшно вводились и слишкомъ часто смѣнялись, перѣдко совсѣмъ безъ должной оцѣнки предшествующаго опыта. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ нынѣ дѣйствующій законъ 3 мая 1883 года, надъ выработкою котораго правительство, свѣтское и духовное, трудилось цѣлыхъ двадцать лѣтъ, со всеми мѣрами предосторожности, какъ никогда ранѣе того. Это была дѣйствительно серьезная работа по пересмотру законодательства о расколѣ и нынѣ она могла бы оказать существенную пользу, если назрѣла потребность въ новомъ такомъ пересмотрѣ, какъ то засвидѣтельствовано въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря. Мы желали бы также, чтобы въ случаѣ, если послѣдуютъ въ нынѣ дѣйствующемъ законѣ тѣ или другія измѣненія, — для общества не остались бы скрытыми причины таковыхъ, въ видѣ ли соображеній о согласованности правовыхъ статей о расколѣ съ общими законодательными статьями, или же въ видѣ какихъ либо спеціальныхъ фактическихъ данныхъ. Нынѣ дѣйствующій законъ имѣетъ свои основы, съ которыми общество до извѣстной степени, такъ

сказать, случилось, — все равно: при сочувствіи или несочувствіи къ нимъ. Измѣненія въ законѣ, не смотря на всю свою благую цѣль, породятъ въ той и другой половинѣ своеобразныя толкованія, сужденія, конечно неодинаковыя по существу, но снова одинаково вредныя, какъ вредны были подобныя же толкованія доселѣ. Чтобы предупредить такое «колебаніе умовъ», особенно чтобы не повергнуть въ соблазнъ русскій простой народъ, попеченіе о которомъ въ данномъ случаѣ имѣетъ особенное значеніе, нужно выяснитъ въ слухъ всѣхъ, въ чемъ заключается дѣйствительная «сила» новаго «закона» и его происхожденіе по сравненію съ прежнимъ.

Что измѣненія въ существующихъ законахъ о расколѣ дѣйствительно могутъ сопровождаться со стороны по крайней мѣрѣ известной части общества полнымъ непониманіемъ ихъ жизненной цѣлесообразности, это легко пояснить на пунктахъ вышеупомянутаго ходатайства раскольниковъ.

I.

Возникаетъ, прежде всего, слѣдующій вопросъ: если гражданскія и религіозныя права раскольниковъ будутъ расширены, то для всѣхъ ли старообрядческихъ толковъ, или только для нѣкоторыхъ изъ нихъ? По крайней мѣрѣ сами раскольники не вѣрятъ, что бы для всѣхъ, и даже не желаютъ этого. Это только корреспондентъ говоритъ о съѣздѣ «старообрядцевъ» вообще, не обозначая — какихъ. Но на дѣлѣ это не такъ. Общее число послѣдователей старообрядческаго раскола сравнительно не велико; по заключенію наиболѣе компетентныхъ изслѣдователей, оно достигаетъ до трехъ милліоновъ; по всеобщей переписи 1897 года оно нѣсколько превышаетъ два милліона, даже въ общей цифрѣ съ сектантами. Но этотъ ничтожный процентъ русскаго населенія характеренъ своими внутренними раздѣленіями. Расколъ распадается на многочисленныя группы, именуемыя раскольниковыми толками или согласіями, совершенно обособленныя, другъ другу враждебныя и необъединяющіяся даже своею одинаковою враждою къ православнои церкви. Что же, неужели бѣгунъ и австріецъ, нѣтовецъ и бѣглопоповецъ, оедосѣвецъ и повопоморецъ, — неужели всѣ таковыя, трудно исчислимыя даже въ длинной вереницѣ, нынѣ подали другъ другу руку примиренія и единогласно хлопочуть о своихъ гражданскихъ

правахъ и религіозныхъ нуждахъ? Конечно, нѣтъ, этого не было и быть не могло. Изъ всѣхъ многочисленныхъ раскольническихъ толковъ петипцію опубликовали только такъ называемые австрійцы, о себѣ только они и просятъ, мы въ этомъ не сомнѣваемся. Это только австрійцы, богатый, сильный своей организаціей и многочисленный толкъ, нынѣ имѣють дерзновеніе питать надежды на особыя для себя права, добываясь, чтобы самъ законъ выдѣлалъ ихъ изъ прочей массы раскольниковъ. Но вопросъ въ томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на эти притязанія послѣдователей австрійскаго священства? Доселѣ, по нынѣ дѣйствующему закону, здѣсь была возможна въ качествѣ основной церковная точка зрѣнія. Если проэктируемымъ пересмотромъ законовъ о расколѣ она будетъ отмѣнена, то это слѣдуетъ нарочито пояснить. Конечно, австріецъ, на примѣръ, не отвергаетъ брака, подобно оедосѣвцу, и не учитъ о бродяжничествѣ, какъ это дѣлаетъ бѣгунъ. Но помню вреда такого рода, на государственной и общественной почвѣ ощущаемаго такъ сказать непосредственно, доселѣ не полагалось опускать изъ виду еще вреда, обусловливаемаго причиною косвенною. Развѣ расколъ не врагъ церкви, покровительствуемой государствомъ и государству вспомошествоющей, и развѣ австрійская поповщина не самый опасный для церкви врагъ въ ряду всѣхъ другихъ раскольническихъ толковъ. Наиболѣе вреднымъ изъ нихъ является тотъ, который имѣеть средства легче уловлять въ свои сѣти членовъ православной церкви. Въ рукахъ австрійскаго толка есть громадное, самое вѣрное средство такого рода, заключающееся въ близости толка къ церкви по своей виѣшности, по видимому устройству, всегда открытому для наблюденія. Поэтому австрійскій толкъ съ этой точки зрѣнія является наиболѣе вреднымъ и опаснымъ. Въ настоящее время австрійскій толкъ настолько усилился, настолько поглощаетъ другіе раскольническіе толки, благодаря его организаціи съ архіереями и попами, что съ приобрѣтеніемъ новыхъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ, дарованныхъ только ему одному, онъ сдѣлался бы еще болѣе сильнымъ и еще болѣе поглощающимъ, и не однихъ только послѣдователей раскола. Въ такомъ случаѣ борьба, какую противъ него ведетъ церковь, стала бы еще труднѣе. Но повторяемъ, что въ гражданскомъ законѣ возможна и иная точка зрѣнія, коренящаяся въ мысли только о непосредственныхъ признакахъ пользы или вреда для государственной и общественной жизни, — и если она будетъ

ныиъ установлена, то должна быть объяснена къ свѣдѣнію общества при самомъ изданіи новаго закона.

II.

Ничто не заслуживаетъ столь полнаго, безусловнаго признанія, какъ положеніе, что «область вѣры и совѣсти не можетъ подлежать насилію и принужденію». Неудивительно, если къ этому положенію взываетъ и записка раскольниковскаго съѣзда. Однако и на это, въ примѣненіи къ вопросу о расколѣ, доселѣ имѣлась строго опредѣленная точка зрѣнія, вполне согласованная съ основнымъ государственнымъ закономъ. Религіозные руководители православнаго народа поддерживали ее, народъ окрѣпъ въ извѣстныхъ понятіяхъ, сжился съ ними. Поэтому, если нынѣ «назрѣла потребность» законодательной перемѣны, то въ интересахъ непринужденнаго проникновенія послѣдней въ жизнь и благотворнаго вліянія на нее, предъ обществомъ должны выступить и основы таковой перемѣны. Доселѣ господствовала слѣдующая точка зрѣнія. Русское законодательство, допуская свободу вѣры, господствующею вѣрою въ государствѣ признаетъ, однако, одну только православную вѣру. Отсюда, отношеніе государственныхъ законовъ къ обществамъ, отдѣлившимся отъ православной церкви, какъ и къ инославнымъ и иновѣрнымъ, характеризуясь невмѣшательствомъ въ ихъ внутреннюю церковную жизнь, въ то же время устраняетъ все то, что можетъ служить къ подрыву православной церкви и вѣры. Въ этомъ принципѣ находятъ объединеніе, съ одной стороны, мысль о свободѣ совѣсти, въ силу которой каждый человекъ имѣетъ право служить Богу согласно своимъ личнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, и съ другой убѣжденіе въ томъ, что православная вѣра и церковь есть *единая истинная* вѣра и церковь, и что поэтому для законодательства не представляется безразличнымъ, будутъ ли даны благоприятныя условія для укрѣпленія и расширенія этой истины, или, напротивъ, будетъ положена преграда. Таковъ именно характеръ, такова основа и дѣйствующаго нынѣ закона о расколѣ 3 мая 1883 года. Проводя принципъ полной вѣротерпимости, не стѣсняя раскольниковъ ни за ихъ мнѣнія о вѣрѣ, ни за совершеніе религіозныхъ дѣйствій, и совѣтъ не входя въ изслѣдованіе объ этомъ предметѣ,—законъ, однако, неуклонно устраняетъ всякую возможность посягательствъ со

стороны раскола на вѣру членовъ православной церкви, открывается ли она въ сферѣ собственно религіозныхъ отношеній, или въ отношеніяхъ гражданскихъ. Въ основѣ здѣсь лежитъ мысль, полностью прямо и высказываемая, что расколъ, какъ религіозная община, не есть явленіе нормальное и потому не можетъ пользоваться покровительствомъ государственныхъ законовъ,—что законъ покровительствуетъ и одинаково охраняетъ личныя гражданскія права раскольниковъ, какъ и другихъ подданныхъ, но не признаетъ въ раскольническихъ толкахъ особаго законнаго сословія или общества,—что проявленія религіозной жизни раскола государство лишь терпитъ, признаетъ какъ фактъ, но не усваиваетъ имъ правоваго значенія. Въ смыслѣ охранительномъ для православной вѣры и церкви это доселѣ считалось важнымъ,—въ силу различія между простымъ фактомъ, съ одной стороны, и явленіемъ правовымъ съ другой, каковое различіе въ глазахъ простого русскаго народа, расколъ питающаго преимущественно, дѣйствительно всегда получаетъ значеніе различія между заблужденіемъ и истиной. Отсюда законодательство полагало предѣль, чтобы нигдѣ и ни въ чемъ не проявлялось такъ называемаго публичнаго оказательства раскола, одинаково возможнаго, напримѣръ, и въ вопросѣ о раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ, и въ вопросѣ о раскольническихъ совершителяхъ духовныхъ требъ.

III.

Никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ замѣчаніемъ раскольнической записки, что «старообрядчество по своему вѣроученію и нравоученію» будто бы «не различается отъ господствующей церкви» и находящагося съ ней въ общеніи единовѣрія. Замѣчаніе въ высшей степени несправедливое и вызвано въ данномъ случаѣ именно тенденціозными цѣлями раскола. Просители справедливо говорятъ, что «поводомъ къ церковному раздѣленію послужило исправленіе церковныхъ обрядовъ», но они сами сейчасъ же и добавляютъ, что въ этомъ исправленіи обрядовъ родоначальники раскола «усмотрѣли нарушеніе вѣры». Отсюда все первыя расколоучители обвиняли православную церковь не въ измѣненіи обрядовъ, а въ нарушеніи православныхъ христіанскихъ догматовъ и во усвоеніи ею разныхъ ересей. Такой взглядъ тотчасъ же повелъ расколъ къ заблужденіямъ и въ вопросахъ вѣры и нравствен-

ности; явилось ученіе объ антихристѣ, объ истребленіи антихристомъ священства и таинствъ, о спасительности самоистребленія. Явилось бракоборное ученіе, съ оправданіемъ разврата и дѣтубійства. Короче сказать—какихъ искаженій въ области вѣры и нравственности не дала исторія раскольниковскихъ толковъ? И не вѣроученіе только, какъ святыню православной церкви, охраняло въ данномъ случаѣ законодательство. Извѣстно, что раскольниковское вѣроученіе отражается и на отношеніяхъ его послѣдователей къ обществу и государству. Возьмите, на примѣръ, безпоповщинскіе толки, отвергающіе молитву за царя; возьмите бѣгунскій толкъ съ его борьбою противъ записи въ ревизіи, платежа податей, военной службы, паспортовъ, присяги,—съ его догматомъ о пожизненномъ бродяжничествѣ,—съ его виѣшней организаціей въ видѣ особаго государства въ русскомъ государствѣ. Составители разсматриваемой записки укажутъ намъ на другую половину раскола — поповщинскую, сами они, какъ сказано, принадлежать, въ частности, къ австрійской поповщинѣ. Но это уже показываетъ, что нельзя говорить о «старообрядчествѣ» во всемъ его объемѣ, въ совокупности всѣхъ его толковъ. Да и объ австрійской поповщинѣ можно ли сказать, что она не отличается въ вѣроученіи отъ православной церкви? Въ такомъ случаѣ за что же она обзываетъ послѣднюю церковь не только «еретичествующей», но и «безбожной», — за что отдѣляется отъ нея? Не онѣ ли, пріемлющія австрійское священство, въ лицѣ такъ называемыхъ противоокружниковъ проповѣдуютъ, что православная церковь вѣруетъ не въ истиннаго Ісуса, Сына Божія, а въ «Ісуса инаго», который есть антихристъ, что она поклоняется знаменію антихриста въ образѣ четвероконечнаго креста. И не было ли, и нѣтъ ли, даже среди самихъ архіереевъ австрійскаго толка такихъ, которые, все въ той же мысли о воцареніи въ православной церкви антихриста, запрещали, или запрещаютъ, подчиненнымъ имъ понамъ, приносить просфору за царя. Конечно, лживо это ученіе австрійцевъ о православной церкви, хульно оно, но въ этомъ-то и заключается доказательство того, что между вѣроученіемъ православной церкви и вѣроученіемъ раскола вездѣ и всюду существуетъ громадная пропасть.

IV.

Въ раскольнической запискѣ указывается еще на то, что законъ не даетъ расколу той «самостоятельности, какой пользуются въ русскомъ государствѣ иностранныя исповѣданія». Но и это сравненіе доселѣ признавалось не безъ основанія несправедливымъ. Даже въ пресловутыя времена либеральныхъ воззрѣній на расколъ конца XVIII и начала XIX вѣка,—когда свѣтское правительство ставило цѣлью «не вмѣшиваться въ различіе, кого считать за православныхъ и кого за заблуждающихся»,—даже въ постановленіяхъ того времени находимъ разъясненія, что русскій расколъ и существующія въ русскомъ государствѣ общины иностранныхъ исповѣданій никакъ не могутъ быть сравниваемы; причина этого, пояснялось, заключается въ томъ, что одни—«сами и предки ихъ съ *своею религіею* въ число жителей россійской имперіи поступили», а другіе—«суть природные россійскіе жители и никакой религіи особой не составляющіе, а только отдѣляющіе себя отъ православныхъ соотчичей своихъ»; послѣднее обстоятельство на дѣлѣ разрѣшается тѣмъ, что раскольническая обособленность «разстраиваетъ единомысліе и тишину народа», и не въ смыслѣ только церковномъ, но по связи церкви съ государствомъ и въ гражданскомъ. Такъ читаемъ въ одномъ актѣ 1800 года ¹⁾. И дѣйствительно, инославныя и иновѣрныя исповѣданія—опасность для православной церкви внѣшняя, напротивъ расколъ—ея внутренній врагъ. Какъ протестантство живетъ отрицаніемъ католичества, такъ и расколъ существуетъ отрицаніемъ «господствующей» церкви: «я или она»—вотъ положеніе, которое предносится предъ сознаніемъ старообрядческаго раскола; во всей своей исторіи расколъ обнаружилъ постоянное и дѣятельное стремленіе испровергнуть православную русскую церковь и на мѣсто ея поставить самого себя въ качествѣ именно православной церкви. Затѣмъ, въ отличіе отъ иновѣрныхъ и инославныхъ общинъ русскій расколъ находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народомъ; это та среда, въ которой расколъ живетъ и дѣйствуетъ, это тотъ источникъ, изъ котораго онъ почерпаетъ свою жизненную силу и историческую живучесть. Тутъ и внѣшняя смежность, и бытовое объединеніе,

¹⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1860, I, стр. 712.

и даже отчасти религіозная соприкосновенность, — и потому выставить расколъ на глаза этого народа въ достоинствѣ правовой религіозной «единицы», съ правами законнаго явленія, это значить, — полагали доселѣ, — отдать народъ на расхищеніе раскольнической пропаганды, безъ которой расколъ иногда (въ бракоборныхъ толкахъ) не можетъ и существовать. Такимъ образомъ, имѣя въ виду, что расколъ соприкасается съ православнымъ населеніемъ, а не съ инославнымъ, и что русское законодательство надѣляется инославныя неповѣданія почти всеми правами православной церкви, — доселѣ считали справедливымъ говорить объ ограниченіи правъ раскольниковъ по сравненію собственно съ православною церковью, совсѣмъ не касаясь инославныхъ и иновѣрныхъ общинъ.

V.

Выражая желаніе объ уничтоженіи наименованія «раскольникъ», составители записки опредѣленно поясняютъ, что рѣчь идетъ объ «оффиціальнымъ актахъ и документахъ», значить — и о законодательствѣ; какъ оффиціальное, но, по мнѣнію раскольниковъ, «несправедливое», это наименованіе должно быть отмѣнено также «оффиціально», т. е. чрезъ особое правительственное распоряженіе; «подходящимъ» просители считаютъ наименованіе «старовѣръ» или «старообрядецъ». Предметъ по видимому малозначущій, но на самомъ дѣлѣ онъ стоитъ въ связи съ вопросомъ объ авторитетѣ православной церкви. Основнымъ «оффиціальнымъ актомъ», языкомъ котораго доселѣ говорили все другіе «оффиціальныя акты и документы», служить опредѣленіе московскаго церковнаго собора 1667 года, съ котораго началось, такъ сказать, оффиціальное существованіе раскола и которое обычно служило исходною точкою и для гражданскихъ постановленій о послѣднемъ; а въ дѣяніяхъ этого собора предки нынѣшнихъ просителей названы не «старовѣрами» или «старообрядцами», а мнѣшимъ «непокорниками» и «раскольниками»¹⁾. Значить, оффиціальная отмѣна наименованія «раскольникъ» нынѣ по своимъ послѣдствіямъ была бы по крайней мѣрѣ протестомъ противъ собора 1667 г. Вѣдь если названіе «раскольникъ» несправедливо, то виновницею церковнаго раздѣленія, фактъ коего просители сами здѣсь же констатируютъ, нужно

¹⁾ Дѣяніе собора 1667 года. М. 1881. Стр. 7; ср. 81.

признать православную церковь, предки же просителей, въ такомъ случаѣ, дѣйствовали тогда правильно. вмѣстѣ съ тѣмъ наименованіе «старообрядцы», котораго добиваются просители, ни чѣмъ не можетъ быть оправдано и есть дѣйствительно несправедливое, потому что наука хотя и признаетъ относительную древность обрядовъ, содержимыхъ расколомъ, но отрицаетъ ихъ превосходство въ этомъ отношеніи предъ обрядами православною церкви.

VI.

Въ пунктахъ 2 и 3 записки рѣчь идетъ о мѣстахъ общественнаго богослуженія и благотворительныхъ учрежденійхъ. Въ существующемъ законодательствѣ вопросъ этотъ рѣшается съ полною опредѣленностію. Что касается мѣстъ общественнаго богослуженія, то раскольникамъ дозволяется творить, безъ нарушенія общихъ правилъ общественного порядка, общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ; послѣднія, если приходятъ въ ветхость, съ разрѣшенія губернатора могутъ быть исправляемы и возобновляемы, съ тѣмъ, чтобы общій наружный видъ возобновляемаго строенія не былъ измѣняемъ; съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, который при этомъ входитъ предварительно въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, допускается распечатаніе молитвенныхъ зданій раскольниковъ, съ тѣмъ, чтобы оно производилось безъ всякаго торжества; въ мѣстностяхъ, гдѣ значительное населеніе раскольниковъ не имѣетъ ни часовень, ни другихъ молитвенныхъ зданій, или, хотя таковыя зданія имѣются, но требуютъ такой перестройки, вслѣдствіе которой общій наружный видъ ихъ долженъ подвергнуться измѣненію, дозволяется, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, обращать для общественнаго богомоленія существующія строенія, съ тѣмъ, чтобы послѣднимъ не былъ придаваемъ внѣшній видъ православнаго храма, хотя надверныя кресты и иконы ставить не возбраняется. Въ этихъ статьяхъ существующаго законодательства о молитвенныхъ зданіяхъ раскольниковъ характерно выступаютъ собственно двѣ особенности. Съ полною терпимостію удовлетворяя религіознымъ потребностямъ раскольниковъ, законодательство однако ограничивало количество и умноженіе

раскольническихъ молитвенныхъ зданій, строго сообразуясь лишь съ дѣйствительною нуждою, и съ большою осторожностью предоставляя обсуждать наличность таковой не кому другому, какъ двумъ представителямъ высшихъ, гражданскаго и церковнаго, учреждений. Осторожность здѣсь выразилась въ томъ, что умноженіе раскольническихъ молитвенныхъ зданій, не вызываемое дѣйствительною потребностію, само по себѣ, самую свою наличностію, способно вызвать въ наблюдателѣ изъ простаго народа неправильное предположеніе, что правительство одобряетъ богомоленіе въ раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ и допущеніемъ лишняго количества таковыхъ какъ бы призываетъ въ нихъ и не однихъ раскольниковъ. Говоря иначе, законодательство, ограничивая всякое публичное оказательство раскола, и въ данномъ случаѣ полагало предѣлъ таковому же оказательству, въ силу своей вещественности наиболѣе замѣтному въ ряду другихъ оказательствъ. Тѣмъ болѣе не допустимо было, съ этой точки зрѣнія, сходство во внѣшнемъ видѣ раскольническихъ молитвенныхъ зданій съ православными храмами, почему законодательство и называло ихъ молитвенными зданіями, а не храмами. Такимъ образомъ, въ статьяхъ о молитвенныхъ зданіяхъ дѣйствующій нынѣ законъ о расколѣ имѣлъ случай показать, что расколъ не признается имъ наравнѣ съ православной церковью и вообще какъ что-либо законное, а только терпится, въ уступку личной религіозной совѣсти его послѣдователей.

Теперь посмотримъ, — о чемъ говорятъ раскольники въ своихъ новыхъ предьявленіяхъ?

Они говорятъ о такихъ правахъ, по дарованіи которыхъ уже не можетъ быть рѣчи о незаконности раскола, какъ религіозной общины. Правда, они умалчиваютъ о внѣшнемъ видѣ своихъ молитвенныхъ зданій, не просятъ для нихъ ни крестовъ, ни колоколовъ, ни какихъ либо другихъ подобій православнаго храма; но зато они просятъ сравнять ихъ молитвенныя зданія съ православными храмами въ другихъ правахъ, даже болѣе существенныхъ. Православныя духовныя установленія: церкви, монастыри и архіерейскіе дома могутъ пріобрѣтать для себя недвижимую собственность, могутъ также заводить благотворительныя учрежденія. Подобно этому и раскольники нынѣ просятъ даровать ихъ общинамъ «право пріобрѣтенія и владѣнія недвижимую собственностью, устройства храмовъ, молитвенныхъ домовъ, часовенъ, благотворительныхъ

учрежденій: богадѣлень, больницъ, пріютовъ и т. п.», для чего «признать» эти общины въ качествѣ «юридическихъ единицъ», или «самостоятельныхъ приходовъ». Мало этого, раскольники просятъ «о предоставленіи имъ права безпрепятственно открывать храмы, молитвенные дома и часовни», по собственному ихъ усмотрѣнію, лишь съ разрѣшенія «строительнаго отдѣленія губернскаго правленія», безъ сношеній съ министеромъ и оберъ-прокуроромъ и вообще помимо всякихъ духовныхъ властей. Теперь представимъ себѣ, что это ходатайство раскольниковъ получило удовлетвореніе. Тогда, вопреки доселѣ существовавшему законодательству, была бы введена въ такое мысль о равенствѣ раскольническихъ религіозныхъ учреждений съ православными, и то, что доселѣ закономъ воспрещалось какъ публичное оказательство раскола, было бы признано, напротивъ, законнымъ обнаруженіемъ законныхъ религіозныхъ проявленій. При этомъ просители ходатайствуютъ, такъ сказать, вознаградить ихъ и за прошлое, признавъ незаконныя постройки молитвенныхъ зданій законными и распоряженія о закрытіи таковыхъ неправильными; просители подразумеваютъ здѣсь, въ частности, вѣроятно, и распечатаніе пресловутыхъ алтарей на московскомъ Рогожскомъ кладбищѣ, запечатанныхъ около полустолѣтія тому назадъ. Такимъ образомъ оцѣнить все эти раскольническія предьявленія не трудно. Раскольники хотятъ парализовать соотвѣтствующія статьи закона, столь невыгодныя для нихъ дѣла борьбы съ православною церковью. Къ той же цѣли поддержанія раскола клонятся и просьбы о богадѣльняхъ и пріютахъ. Историческая роль этихъ устоевъ раскола хорошо извѣстна и еще въ царствованіе Николая I было принято за правило «постепенно подчинять» раскольническія «благотворительныя заведенія общинмъ государственнымъ установленіямъ», именно—приводить ихъ, какъ учрежденныя подъ видомъ человеколюбія, къ истинному устройству человеколюбивыхъ заведеній, а отъ раскольническаго характера освобождать, вслѣдствіе чего раскольническія богадѣльни и кладбища, начиная съ столичныхъ, были подчинены вѣдѣнію приказовъ общественнаго призрѣнія и другихъ подобныхъ начальствъ. Если нынѣ раскольники просятъ признать за ихъ благотворительными учрежденіями, напротивъ, значеніе учреждений самостоятельныхъ и обособленныхъ именно въ силу обособленности самихъ «религіозно-общественныхъ группъ», ихъ учреждающихъ, то вполне очевидно, что заботы

просителей направлены исключительно къ тому, чтобы этимъ учрежденіямъ снова возратить «раскольническій характеръ», столь важный для раскола и нужный ему въ цѣляхъ пропаганды.

Справка по вопросу объ алтаряхъ московскихъ часовень Рогожскаго кладбища состоитъ въ слѣдующемъ. Закрытіе этихъ алтарей состоялось 12 іюня 1856 года, по поводу самовольнаго открытія рогожцами богослуженія въ рогожскихъ часовняхъ послѣ того, какъ 14-ть мѣсяцевъ оно тамъ не совершалось за неимѣніемъ поповъ. Секретный комитетъ изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, изслѣдовавшій это дѣло, руководился слѣдующими соображеніями. Раскольническія рогожскія часовни устроены не съ дозволенія высшаго правительства, а по оцлошности надзора мѣстныхъ властей прежняго времени: притомъ, онѣ нисколько не похожи на другія терпимыя молельныя, которыя всѣ или находятся въ домахъ, или по крайней мѣрѣ не отличаются отъ домовъ, не имѣя въ себѣ и алтарей, тогда какъ рогожскія часовни имѣютъ совершенный видъ великолѣпныхъ православныхъ церквей съ алтарями, стоятъ на видномъ, открытомъ мѣстѣ, рядомъ съ небольшою единовѣрческою церковью; это имѣетъ важное значеніе, потому что своимъ великолѣпіемъ рогожскія часовни легко могутъ соблазнять и привлекать къ себѣ простецовъ. Въ то же время нужно знать, что Рогожское кладбище служитъ средоточіемъ тайнаго управленія всей поповщины и съ 1846 года состоитъ въ связи съ заграничною епископатою, учрежденною стариннымъ и изживеніемъ именно его прихожанъ. Отсюда соблазнъ, произведенный въ Москвѣ, не можетъ не отразиться и во всѣхъ другихъ краяхъ не только поповщинскаго міра, но и единовѣрческаго. Дѣло въ томъ, что Высочайшимъ повелѣніемъ 1827 года рогожскія часовни хотя и были оставлены безъ закрытія, но съ тѣмъ, чтобы, по смерти находившихся тогда при нихъ поповъ, таковыхъ туда болѣе не допускалось; затѣмъ въ 1854 году часть рогожскихъ раскольниковъ приняла единовѣріе и образовала особый приходъ, для котораго одна изъ рогожскихъ часовень была освящена въ церковь; къ единовѣрью тогда же присоединился и послѣдній рогожскій попъ изъ числа бѣгствующихъ отъ православной церкви. Такимъ образомъ оставить рогожскіе алтари открытыми тогда означало объявить о правительственномъ согласіи на проводъ на Рогожское клад-

бище поповъ австрійскаго толка, въ руки котораго теперь попало оно. Притомъ же, раскольники-поповцы имѣли въ Москвѣ, собственно для молитвы, много другихъ домовыхъ моленныхъ, а потому въ рогожскихъ часовняхъ не нуждались; съ другой стороны, полагая ограничиться запечатаніемъ однихъ лишь алтарей въ рогожскихъ часовняхъ, комитетъ дозволялъ раскольникамъ посѣщать самыя часовни и молиться въ нихъ про себя, какъ это и было въ теченіи предшествовавшихъ 14-ти мѣсяцевъ. Такимъ образомъ комитетъ полагалъ, что запечатаніе алтарей не есть мѣра наказанія за произведенный соблазнъ, а предосторожность противъ раскола; раскольники не были лишаемы возможности молиться въ рогожскихъ часовняхъ, но отъ предпринимаемой мѣры должно было потерпѣть то вредное для церкви и государства противленіе, которое стремится къ водворенію въ русскомъ народѣ лжеіерархія, враждебной православнои церкви. По мнѣнію комитета, запечатаніе алтарей должно было показать раскольникамъ, что ихъ старшины обольщаютъ ихъ пустыми надеждами получить отъ правительства дозволеніе имѣть независимыхъ отъ архіерея поповъ и вмѣстѣ должно было ободрить и успокоить единовѣрцевъ изъ бывшихъ прихожанъ кладбища. Мало этого, задерживая успѣхи раскола въ самомъ средоточіи его, предпринятая мѣра должна была послужить къ ослабленію раскола и повсемѣстно, какъ вышло бы и наоборотъ, въ случаѣ правительственной уступчивости и перѣшительности.

Положеніе Рогожскаго кладбища, какъ центра австрійской поповщины, нынѣ не измѣнилось; попрежнему доселѣ оставались закрытыми и рогожскіе алтари: но и помимо вопроса объ алтаряхъ Рогожское кладбище уже успѣло достигнуть многого послѣ тяжелыхъ для него 1850-хъ годовъ: воздвигнуто много огромныхъ каменныхъ зданій изящной архитектуры, вновь великолѣпно отдѣланы обѣ часовни; въ тяжелый для отечества 1881 годъ рогожцамъ удалось провести на кладбище австрійскихъ поповъ, подъ предлогомъ присяги на подданничество, и потомъ былъ заведенъ для кладбища цѣлый штатъ духовенства.

VII.

Если положеніе раскольническихъ моленныхъ и ихъ значеніе среди народа, какъ признанныхъ закономъ мѣстъ для общественныхъ молитвенныхъ собраний, доселѣ различалось отъ

положенія ихъ и значенія среди народа какъ мѣсть, закономъ только терпимыхъ, то тѣмъ болѣе не упускалась изъ виду та же точка зрѣнія въ вопросѣ о раскольниковскихъ отправителяхъ духовныхъ требъ, уставщикахъ, наставникахъ и другихъ лицахъ, безъ которыхъ, какъ безъ представителей, не могутъ вполнѣ осуществитъ своего назначенія и самыя зданія для молитвенныхъ собраній. Въ силу религіозной терпимости и свободы въ отправленіи богослуженія, допускаемой закономъ у раскольниковъ, совершители богослуженія не были преслѣдуемы, но законъ не могъ не отрицать, прямо или косвенно, мысль объ ихъ правѣ на это дѣло и потому не могъ допустить ничего, что открыто, публично напоминало бы объ ихъ положеніи въ средѣ раскола. Въ противномъ случаѣ произошелъ бы тотъ публичный соблазнъ для членовъ православной церкви, который закономъ доселѣ всячески былъ пресѣкаемъ, какъ преступное оказательство раскола. Уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у раскольниковъ, не подвергались за это преслѣдованію, но за ними не признавалось духовнаго сана или званія, такъ что, въ отношеніи къ правамъ состоянія, они считались принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ по рожденію или послѣдующей припискѣ; отсюда же имъ воспрещено было употребленіе церковнаго облаченія въ публичныхъ процессіяхъ и вообще внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій, а также употребленіе священнослужительскаго и монашескаго одѣянія. Напримѣръ, раскольниковскіе требоотправители не были освобождены отъ исполненія воинской повинности, — иначе, по мысли закона, они тѣмъ самымъ признали бы ихъ состоящими въ священномъ санѣ, такъ какъ это означало бы, что требоотправители эти юридически сравнены съ духовенствомъ православной церкви. Подобно этому произошло бы оказательство раскола, и притомъ для церкви наиболѣе оскорбительное, если бы на улицѣ, положимъ въ похоронной процессіи, появился такъ называемый австрійскій раскольниковскій епископъ въ архіерейскомъ облаченіи православнаго епископа.

При столь важномъ значеніи вопроса о духовныхъ требоотправителяхъ въ дѣлѣ усиленія или ослабленія раскола не удивительно, что новыя раскольниковскія предъявленія даютъ видное мѣсто и этому вопросу. Здѣсь просители идутъ къ своей пѣли такъ сказать стороною, но безошибочно. Въ 4 пунктѣ

записки, упоминаящемъ о раскольническихъ духовныхъ треботправителяхъ подъ именемъ «представителей приходовъ», рѣчь начинается собственно указаніемъ на необходимость упорядочить вопросъ о раскольническихъ метрическихъ записяхъ. «Мы ходатайствуемъ, пишутъ просители, объ упорядоченіи важнаго для насъ въ юридически-бытовомъ отношеніи дѣла веденія метрическихъ записей и испрашиваемъ для сей цѣли, чтобы акты состоянія (рожденія, браки, смерти) среди старообрядцевъ въ установленныхъ метрическихъ записяхъ имѣли полную юридическую силу и значеніе, а для сего необходимо, чтобы веденіе метрическихъ книгъ было закономъ возложено на представителей нашихъ приходовъ». Но спрашивается: неужели названные «акты состоянія», для самого государства столь важные, доселѣ закономъ о расколѣ еще не упорядочены? Отнюдь нѣтъ, въ законодательствѣ вопросъ этотъ предусмотрѣнъ и рѣшенъ въ точно опредѣленномъ видѣ. Въ частности, особыми статьями 19 апрѣля 1874 года установлена запись раскольническихъ браковъ и рожденій въ особія метрическія книги; она ведется при волостныхъ правленіяхъ, полицейскихъ управленіяхъ, въ столицахъ же — участковыми приставами, по формамъ, утвержденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, причемъ «исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками брачныхъ обрядовъ вѣдѣнію полицейскихъ чиновъ не подлежитъ»; чрезъ эту запись «браки раскольниковъ пріобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи силу и послѣдствія законнаго брака»; дѣти раскольниковъ отъ такихъ браковъ безпрепятственно записываются полиціею въ метрику о родившихся и признаются законными. Такимъ образомъ законодательство и въ этомъ случаѣ съ одной стороны оставляло неприкосновенными религіозныя убѣжденія раскольниковъ, съ другой удовлетворяло ихъ положенію въ гражданскомъ отношеніи, какъ членовъ государства совершенно полноправныхъ. Что же заставляетъ раскольниковъ добиваться новаго порядка? Не отрицаемъ, что записываться въ полицейскія метрики раскольники идутъ далеко не всѣ, но не думаемъ, что дѣло это могло бы быть упорядочено чрезъ выдачу особыхъ метрикъ на руки раскольническихъ «представителей». Препятствіе къ записи въ полицейскія метрики у большинства раскольниковъ кроется въ боязни попасть въ списки антихриста. Но вѣдь эта боязнь заставляетъ бѣжать и отъ всякой записи, отъ всякой регистраціи, если только книга для таковой будетъ

выдана или узаконена правительствомъ. При такомъ условіи дѣло это заранѣе должно считать проиграннымъ, вѣрность записей — безнадежною. Ужели будетъ вести такую метрику, напримѣръ, бѣгунскій наставникъ, ведущій, правда, списокъ своему «приходу», но съ тѣмъ именно, чтобы скрыть его членовъ отъ правительства. Одного этого указанія достаточно, чтобы не говорить о проектируемыхъ метрикахъ для всѣхъ раскольническихъ толковъ. Но вопросъ стоитъ подъ сомнѣніемъ даже и по отношенію къ поповщинѣ. Развѣ не извѣстны споры изъ-за метрикъ въ самой австрійской поповщинѣ, въ свое время выдѣлившіе столь ярыхъ метрикоборцевъ. Настоящее предъ-явленіе раскольниковъ, конечно, весьма понятно, но только не со стороны упрядоченія предмета для общественныхъ и государственныхъ цѣлей. Тутъ у просителей прозрачно выступаетъ собственно другое желаніе,—надѣлать раскольническихъ требоотправителей тѣмъ правомъ, какое закономъ присвоено православному духовенству. Мечтая о заведеніи раскольническихъ «приходовъ», юридически воплиѣ полномочныхъ и самостоятельныхъ, просители естественно жаждутъ надѣлать извѣстною законою правоспособностью и «представителей» этихъ приходовъ. Уже одною своею личностію фактъ этотъ былъ бы выгоденъ для раскола, такъ какъ породилъ бы вредные для православной церкви толки, въ средѣ ея членовъ изъ народа, о признаніи закономъ раскольническихъ наставниковъ наравнѣ съ православнымъ духовенствомъ, особенно въ связи съ удовлетвореніемъ ходатайства, выраженного въ пунктѣ 7-мъ предъявленій—о томъ, чтобы раскольническіе «священнослужители, состоящіе въ запасѣ арміи, были освобождаемы отъ призыва на дѣйствительную службу». Затѣмъ, удовлетвореніе ходатайства о метрикахъ дало бы въ руки раскольническихъ «представителей» сильное орудіе для пропаганды. Этого не скрываютъ и сами просители, начинающіе пунктъ своихъ предъявленій довольно замаскированно, но оканчивающіе его съ примѣчательной откровенностію. Вслѣдъ за приведенной нами выше выдержкой о метрикахъ просители непосредственно добавляють: «незаписные раскольники, т. е. числящіеся православными, но не бывшіе въ теченіе десяти лѣтъ у исповѣди и причастія, имѣли бы право, буде сами того пожелаютъ, безпрепятственно записываться въ установленныя старообрядческія метрическія книги». Здѣсь раскольники просятъ узаконить свободный переходъ изъ православія въ расколь: это и есть истин-

ная цѣль ходатайства о метрикахъ. Въ стремленіи къ ней просители не хотятъ знать даже общихъ узаконеній объ охраненіи членовъ православной церкви отъ совращенія въ какое-либо неправославное или иновѣрное исповѣданіе. «Какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ,—говорилось доселѣ въ нашихъ законахъ,—такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣрѣ, запрещается отступить отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и христіанскую».

Точно также прямую вербовку изъ православія въ расколъ, вербовку другаго пути и формы, раскольники просятъ узаконить и въ 5-мъ пунктѣ своихъ предьявленій. «Крещенымъ въ господствующей церкви,—говорится здѣсь,—по фактически къ ней не принадлежащимъ и состоящимъ въ старообрядчествѣ, должно быть предоставлено право, при вступленіи въ бракъ, записывать себя, а послѣ и дѣтей своихъ отъ сего брака въ старообрядческія метрическія книги, буде изъявятъ на это желаніе».

VIII.

Въ 6 пунктѣ своихъ предьявленій раскольники касаются школы и просятъ, чтобы, во-первыхъ, раскольническимъ «приходамъ» были разрѣшены отдѣльныя училища, съ программами школъ министерскихъ и земскихъ, но съ преподаваніемъ въ нихъ Закона Божія и церковнаго пѣнія непременно самими «старообрядцами», и во-вторыхъ, чтобы въ существующихъ нынѣ народныхъ школахъ дѣти раскольниковъ были освобождены отъ слушанія «тѣхъ уроковъ по Закону Божию, которые касаются церковнаго раскола». Въ вопросѣ объ усиленіи или ослабленіи раскола это—опять пунктъ громадной важности. Практическія послѣдствія той или иной постановки народной школы, того или иного ея направленія всегда могутъ быть неисчислимы. Тѣмъ болѣе нельзя игнорировать ихъ въ вопросѣ о русскомъ расколѣ. Въ одномъ случаѣ школа непременно ослабитъ раскольническую обособленность, въ другомъ, напротивъ, усилить ее. Дѣло въ томъ, что русская народная школа, по предьявляемымъ къ ней требованіямъ самого русскаго народа, непременно должна быть съ религіознымъ, церковнымъ направлеціемъ. Между тѣмъ расколъ, питающійся соками почти исключительно простого народа, есть явленіе по своему существу именно религіозное, и поэтому для дѣла борьбы церкви

противъ раскола не безразлично, въ чьихъ рукахъ находится религіозный элементъ народной школы. Въ настоящее время и земскія и церковно-приходскія школы въ извѣстной мѣрѣ привлекаютъ въ свои стѣны дѣтей раскольниковъ; раскольники отдаютъ сюда своихъ дѣтей собственно по нуждѣ, такъ какъ не имѣютъ своихъ школъ, но эти дѣти, особенно слушающія уроки Закона Божія, выходятъ изъ школы уже съ ослабленными задатками раскольнической обособленности. Но разумѣется это невыгодно для раскола и интересы его требуютъ, чтобы былъ созданъ противовѣсъ нынѣ существующей школѣ, особенно церковно-приходской, какъ школѣ направленія церковнаго и находящейся подъ вѣдѣніемъ православнаго духовенства. Отсюда настоящее предъявленіе раскольниковъ испрашиваетъ разрѣшеніе не только на открытіе отдѣльныхъ школъ, обособленно имѣющихъ существовать въ раскольническихъ «приходахъ», но и на то, главнымъ образомъ, чтобы Законъ Божій и церковное пѣніе преподавались въ нихъ лицами изъ раскола, вѣдѣнію православнаго духовенства, конечно, не подлежащими. Цѣль этого ходатайства весьма понятна и замыселъ его широкъ. Правительственное разрѣшеніе на открытіе такихъ школъ сравняетъ ихъ въ глазахъ народа съ существующими православными школами, дѣти изъ православныхъ семействъ будутъ посѣщать ихъ если бы даже были изданы противъ того особаго запрещенія, и во всякомъ случаѣ раскольническое юношество будетъ воспитываться въ духѣ самой крайней раскольнической нетерпимости. Религіозный элементъ не можетъ быть устраненъ изъ раскольнической школы даже путемъ прямого запрещенія религіозныхъ уроковъ, уроки эти будутъ практиковаться тайно, и школа вслѣдствіе этого все же будетъ имѣть извѣстное религіозное вліяніе. Поэтому миссіонерскіе интересы православной церкви доселѣ не мирились даже съ разрѣшеніемъ на простыя раскольническія школы грамоты. Но вполне возможно и фактически доселѣ даже рекомендовалось не требовать отъ раскольническихъ дѣтей слушанія уроковъ о расколѣ, — въ видахъ привлеченія ихъ въ школу и въ надеждѣ, что послѣдняя и помимо этого всетаки окажетъ свое благотворное вліяніе на ослабленіе раскольнической исключительности въ питомцахъ изъ раскольниковъ.

Въ 8-мъ, послѣднемъ, пунктѣ своей записки раскольники просятъ о предоставленіи имъ «права на общественныя и государственныя должности». Собственно говоря право занимать

общественныя должности раскольники имѣютъ; но такъ какъ отправление общественныхъ должностей легко можетъ соединяться съ начальственнымъ давленіемъ, въ ущербъ православію, въ чемъ ревность раскольниковъ уже успѣла заявить себя весьма рельефными историческими примѣрами, то законъ доселѣ устанавливалъ въ данномъ случаѣ нѣкоторыя ограниченія. Напримѣръ, если въ должности волостнаго старшины будетъ утвержденъ раскольникъ, то помощникъ его, требовалось, долженъ быть изъ православныхъ.

IX.

Теперь, разсмотрѣвъ на примѣрахъ, какія расширенія религиозныхъ и гражданскихъ правъ могли бы быть даны раскольникамъ по сравненію съ доселѣ дѣйствовавшими законами о расколѣ, въ чемъ именно они могутъ состоять и какими послѣдствіями должны отразиться, мы точнѣе можемъ выразить главную нашу мысль, только отчасти намѣченную въ началѣ нашихъ замѣчаній.

Послѣдователи старообрядческаго раскола доселѣ пользовались, по закону 3 мая 1883 года, гражданскими правами и свободою религиозною; ограниченія касались только такихъ дѣйствій, которыя при публичномъ обнаруженіи могли бы подавать мысль о правовомъ равенствѣ раскола съ православною церковью. Преднамѣченный Высочайшимъ указомъ 12 декабря пересмотръ узаконеній о правахъ раскольниковъ могъ бы кончиться или подтвержденіемъ нынѣ существующихъ правъ, или ихъ ограниченіемъ, или, наконецъ, расширеніемъ. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ вновь должна быть установлена основная точка зрѣнія, какъ она есть и въ доселѣ дѣйствовавшемъ законѣ, чтобы всѣ отдѣльныя статьи закона съ нею были согласованы. Въ частности, въ случаѣ расширенія правъ раскольниковъ, необходимо должно послѣдовать разъясненіе, что точка зрѣнія церковныхъ интересовъ, имѣвшая мѣсто доселѣ, отнынѣ законами о расколѣ устраняется. Въ самомъ дѣлѣ, что доселѣ означало на языкѣ законодательства воспрещеніе такъ называемаго публичнаго оказательства раскола, какъ не отрицаніе закономъ права раскольниковъ на открытую организацію борьбы ихъ съ церковью и на свободу пропаганды. Какъ ни кажется это на первый взглядъ обобщеніемъ очень широкимъ, но на дѣлѣ такъ дѣйствительно и есть, въ силу особыхъ отношеній

раскола къ православной церкви и исключительнаго положенія его въ простомъ народѣ. Напримѣръ, раскольники имѣютъ молитвенныя зданія и пользуются въ отношеніи ихъ извѣстными правами. Не можетъ быть иного расширенія этихъ правъ, какъ съ приближеніемъ ихъ къ правамъ православныхъ храмовъ. Таковы права пріобрѣтать недвижимую собственность, строить богадѣльни, пріюты, больницы, заводить монастыри и скиты. Въ исторіи раскола всѣ эти учрежденія выступаютъ въ качествѣ сильныхъ факторовъ борьбы раскола съ церковью. Слѣдовательно и нынѣ расширеніе правъ раскольниковъ въ этихъ предѣлахъ граничало бы съ признаніемъ за раскольниками права на открытую, закономъ ограждаемую, организацію ихъ борьбы съ православіемъ. Подобно этому,—расколь надѣленъ правомъ имѣть наставниковъ и совершителей духовныхъ требъ, но они не могутъ совершать требъ публично и не признаются имѣющими духовный санъ. Ясное дѣло, что расширеніе правъ, личныхъ и общественныхъ, здѣсь было бы ни чѣмъ инымъ, какъ уравниемъ этихъ правъ съ правами православнаго духовенства. Оно выразилось бы въ правѣ раскольническихъ требоотправителей именоваться въ документахъ духовными лицами, въ правѣ быть свободными отъ исполненія воинской повинности, въ правѣ являться въ судъ для прівода къ присягѣ и т. д. Все это хотя и не было бы прямой пропагандой раскола, но подготовляло бы благопріятную почву для воспріятія пропаганды. Въ правѣ раскольническихъ наставниковъ являться въ школы, собственно раскольническія и общія, для преподаванія дѣтямъ раскольниковъ Закона Божія, нашла бы широкій выходъ самая возможность пропаганды. Вообще очевидно, что такимъ путемъ изъ законодательства было бы устранено все, чѣмъ оно доселѣ ограждало православіе отъ посягательствъ раскола. Значить, въ случаѣ расширенія правъ раскольниковъ въ указанныхъ выше предѣлахъ, статья о виѣшнемъ оказательствѣ раскола должна быть уже совсѣмъ изъята и необходимо пояснить, что отселѣ она уже не можетъ имѣть мѣста. Больше того, напр. въ случаѣ предоставленія раскольникамъ права вести метрики, съ дозволеніями, проектируемыми раскольнической запиской, потеряло бы смыслъ законодательное наименованіе православія вѣрой «господствующей», такъ какъ былъ бы узаконенъ особый видъ перечисленій изъ православія въ расколь, обусловливаемый десятилѣтнею давностію, тогда какъ доселѣ, во имя «господства» православной вѣры, законъ отрицалъ всякую давность для отпаденій отъ нея. По примѣру

екатерининскихъ указовъ, гражданскій законъ откровенно долженъ объявить и объяснить, что онъ, по отношенію къ старообрядческому расколу, отселѣ «не вмѣшивается въ различіе, кого считать за православныхъ и кого за заблуждающихся», предоставляя борьбу съ расколомъ одной только церкви, по что взглядъ церкви закономъ попрежнему не отрицается и не ослабляется. Никакія побочныя соображенія здѣсь не должны имѣть мѣста. Не имѣли бы дѣйствительной силы ни ссылка на принципы религіозной свободы, ни сравненіе съ положеніемъ иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданій, ни даже общее указаніе, что «старообрядчество» есть «христіанское исповѣданіе». Напротивъ, польза открытаго признанія новой точки зрѣнія не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ это сразу открыло бы очи и настырей церкви, и всего общества.

Въ случаѣ, если бы пересмотръ законодательства преднамѣтилъ расширеніе правъ только для нѣкоторыхъ раскольническихкихъ толковъ, для другихъ же, напротивъ, послѣдовало ограниченіе таковыхъ, то это поставило бы на рѣшеніе вопросъ о классификаціи раскольническихкихъ согласій, сложный и весьма трудный, но безспорно вызываемый справедливостію. Отсутствіе классификаціи въ законѣ 3 мая 1883 года составляетъ его крупный недостатокъ. Конечно и здѣсь законодательство строго должно установить, какая точка зрѣнія полагается въ основу—исключительно гражданская, или по совокупности съ церковной, причемъ и первая можетъ имѣть свои ступени...

П. Смирновъ.

23 января, 1905.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки